ДВА ГОДА ПОСЛЕ ЗАСУХИ

Большая вода после страшной засухи, которой начался новый век, пришла в Приаралье по Амударье в июне 2002 года. К этому времени дно озер представляло собой соль и гарь. Соль лежала, как снег. Камыш горел то там, то тут многие месяцы, и столбы дыма, достающие облака, примелькались как часть пейзажа. Не стало рыбы, ондатры, и совсем немного птиц залетало издалека. Пеликаны и розовые фламинго на мелкоте озера Судочье казались странными упрямцами. Я видела их в удручающем безводьем апреле, а в июне они праздновали — вместе с водой по Аму скатывались в низовья мальки. То Приаралье весной 2002-го запомнилось базарами, где стиральный порошок продавали стаканами, как семечки, не от хорошей жизни, а еще беззубыми женщинами и насосами-качалками. У качалок собирались очереди из взрослых и детей с флягами, канистрами, ведрами. Женщины же, прикрывая рот, улыбались: «Все пройдет». Журналистские пути-дороги вновь привели сюда осенью 2004-го.

Рай и кущи

Порошок стаканами продавать перестали, очередей у насосов-качалок нет. Ну а стеснительные женщины по-прежнему прикрывают рот рукой: «На зубы не хватает». Казахдарьинцы зубы не столько лечат, сколько рвут. Ехать из аула до райцентра лечиться — целая история. А вода из протоки, ею пользуется большинство жителей Казахдарьи, соленая и разрушает не только зубы.

В Нукусе вода бежит из кранов. Водопроводная есть и в Тахтакупыре. Сюда протянута та же труба, что наполняется из Туямуюнского водохранилища, точнее, из Капарасского — одного из нескольких водохранилищ Туямуюна. В отличие от руслового вода в нем отстаивается и считается осветленной. Но разборчивые итальянцы, за которыми мне довелось понаблюдать в нукусской гостинице, не хотели ее в кофе и требовали от поваров: «Кипятите минералку!»

А вот муйнакцы завидуют тем, к кому приходит вода по трубе. Ну что ж, что посуда от воды коричневеет, но она лучше, чем в канале. В маловодье и канал пересох. Тогда спасением стали насосы-качалки, поднимающие влагу из пресных подземных линз. И тогда же началось строительство водопровода из Кунграда. В темпе протянули шесть километров из ста, ну а затем стройку посчитали дорогой, финансирование прекратилось. Хорошо, что сейчас канал наполнен. Это повод для радости. У тех же, кто пьет воду из Капарасского водохранилища, с точки зрения муйнакцев или казахдарьинцев, просто райские условия.

Туристы-итальянцы этого не понимают. Да и прибыли они в Приаралье не для того, чтобы пробовать воду, а знакомиться с архитектурными памятниками. Наверное, их и после краткой поездки на родине сочтут экстремалами, а они поймут, что живут в раю. В общем, все относительно. Мне за время командировки тоже не раз казалось, что в Ташкенте — райские кущи. Проблемы, которые дома видятся с гору, если обозреть их с движущихся на поселки барханов, мелкие. Есть чему всем нам поучиться у здешних жителей. В Каракалпакстане люди довольны оттого, что теперь лучше, чем пару лет назад. Они работают, они строят планы. Строя планы и вообще строя, надеются: «Если будет вода…»

Взлетная полоса Междуречья

От Нукуса до объектов Междуречья двести шестьдесят километров. Туда и обратно — больше полутысячи. За день КамАЗ делает один рейс. Мы едем как раз в КамАЗе, и наш путь — туда. А про километры и рейсы объясняет водитель. С мая возит арматуру, бетон, плиты. Машин семь, таких, как его, ежедневно доставляют груз в район Порлытау. Здесь возводится водосбросное сооружение. В Междуреченском водохранилище оно не первое, но самое крупное — сможет пропускать 360 кубов в секунду.

Мы с коллегой устроились на курпаче на «втором этаже», а места рядом с водителем занимают наши спутники до Порлытау — дед, похожий на Хоттабыча, и его взрослый племянник. Дед — в прошлом моряк, а племянник — крановщик, и для него, когда начался проект по созданию локальных водоемов в дельте Аму, появилась работа. В самую засуху он строил длинную и плоскую, как взлетная полоса, дамбу, отгораживающую Междуречье от низовий. «Вот подъедем к Порлытау, увидите». Подъезжаем, и с камазовского высока восхищаемся просторами водохранилища.

Дамба позволила создать его емкостью в 200 миллионов кубометров и с водным зеркалом в 25 тысяч гектаров. А я вспоминаю, как оказалась на стройке два года назад. Посреди степи одиноко блестело под весенним дождем бетонное полотно. Рабочие, наращивая его, крепили новые плиты. По наивности тогда спросила: «Тут самолеты будут садиться?» «Да нет, это дамба, она плоская, с небольшим уклоном, чтобы большая вода не разбила». «Большая вода?» Амударья на ту пору текла мелкой речушкой, которую, не

напрягаясь, перебредала скотина.
Теперь для экстренного случая готовится капитальное водосбросное сооружение. А Амударья, ее мы проехали часа три назад, течет широко. Хотя, судя по песчаным отмелям, может быть куда шире и мощнее.

Делимая

Каждый квартал реку делит Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия. Она собирается попеременно то в одной стране Аральского бассейна, то в другой. Для каракалпаков не важно, где делят, важно, что остается.
В маловодье МКВК делила по справедливости. Весной 2000 года, исходя из прогноза водности, установила каждой стране лимит водозабора на период вегетации. Документ от республик подписали ответственные лица. Согласились страны и с приложением: «При изменении водности бассейна Амударьи лимиты водозаборов будут соответственно скорректированы». А вот это не получилось: Таджикистан использовал от лимита 84,2 процента, Туркменистан — 68,6 процента, Узбекистан — 63,8 процента. При этом в Узбекистане верховья брали под сто, а Каракалпакстану досталось меньше половины. Следующий год — опять сушь, а в нее разве что подсолнечник удался.
И сейчас его на полях много. Есть и хлопок. Хотя нет хлопкоуборочных комбайнов и приходится собирать вручную, все равно, считают в Каракалпакстане, он может быть выгодной культурой. А про пшеницу говорят с сомнением: «Из-за нее изменился режим водохранилищ». Раньше с сентября по январь вода земледельцам не требовалась. В это время водохранилища ее спускали. На дно загонялась техника, шла очистка русел и ремонт сооружений. А Амударья прямым ходом неслась в Арал. Теперь из-за осенних поливов озимых водохранилища не опорожняются. Но если их не чистить, через несколько лет сравняются с землей. То же случится и с Туямуюнским русловым. Это один аспект, из-за которого волнуются в низовьях.
Заболачивание земель в Сурхандарье, Кашкадарье, Джизаке из-за поливов пшеницы особо низовья не беспокоит, не их проблема. Но тут не забыли, что именно из-за пшеницы, риса по-своему делили Аму верхние соседи в засуху.
Если в будущем делить по справедливости, глядишь, вспомнит наш попутчик-моряк молодость, ведь в Междуречье уже ловят рыбу. У Порлытау мы с ним прощаемся. Теперь до объекта остаются считанные километры ухабистой дороги. Машину подбрасывает, и тут замечаем, что берега обнажены, уровень низкий. «Эх, моряк..» «Не грустите,- шутит водитель, — воду сбросили, чтобы достроить объект, иначе основание сильно подтапливает — бетонные работы не выполнить. Вот закончим водовыпуск, сделаем, что там еще положено по проекту, и емкость увеличим до 450 миллионов кубов».

Озерная цепь

Инженеры на объекте тоже оптимистичны. Вместе спускаемся с перемычки на стройплощадку. Под ногами скрипит песок пополам с глиной. Впереди — ворота водовыпуска, до поры лежачий затвор от шлюза, а за ними протока Акдарья. «Перемычку уберем, — говорят инженеры, — когда достроим сооружение. Тогда вода из водохранилища начнет поступать в протоку. Воду будем спускать в Махпалколь, оттуда в Рыбачье… Из всей озерной системы, которую воссоздаем в дельте, лишь Междуречье – искусственное».
Все остальные озера или сообщались с Аралом или были его заливами. Водохранилище будет использоваться для центральной озерной системы как аккумулятор и регулятор. Для этого и строятся водовыпуски и дамбы. А финансируется проект из взносов Узбекистана в Международный фонд спасения Арала. Генеральный подрядчик — выигравшее тендер АО «Муйнак суу курылысы». Работы и сейчас на Междуреченском

водовыпуске ведутся круглосуточно. А скоро и техники прибавится, и людей: «Как только завершим опалубку…»
Заглядываем сверху туда, где готовится основание. В него будет бить вода. А пока люди работают метров на 12 ниже горизонта, и она сюда просачивается. Поэтому решающие инструменты — совковая лопата и ковш экскаватора. Сначала надо осушить участок, далее уложить грунт и щебень определенной толщины, затем тонкий бетон… Инженеры объясняют про водоскат и водобой, про опасность гидравлического прыжка, а еще про надзор и контроль за исполнением, дабы не волноваться потом за 360 кубов в секунду. Это очень большая вода. А в целом требования всех озер дельты с тремя ее зонами — западной, центральной и восточной — оцениваются в 5,8 кубокилометра. Благодаря проекту только в одном Муйнакском районе дополнительный улов рыбы составит 1200 тонн. Общая годовая выгода от реализации проекта в виде дополнительной продукции в Приаралье достигнет в ценах 1991 года 4,6 млн рублей.
Когда это будет? Создание локальных водоемов в дельте Аму предусматривалось Программой конкретных действий по улучшению экологической и социальной обстановки в бассейне Аральского моря, утвержденной в 1994 году главами государств региона. Уже тогда все понимали, что Арал, ушедший за полтораста километров, а где-то и далее, не вернуть. Локальные водоемы — как буфер. Они смягчат климат, сдержат солепылеперенос, опустынивание, обеспечат условия для размножения и отдыха болотных и водоплавающих птиц, развития тугаев. Но до маловодья этот пункт программы буксовал.
В 1999 году Глобальный экологический фонд поддержал пилотный проект по восстановлению водно-болотных угодий озера Судочье. В 2001-м на средства Всемирного банка и правительства Узбекистана он начат. Ну а зимой в спешном порядке — маловодье не давало отсрочки — был начат и проект в Междуречье. «С 2004 года по 2008-й выполняется его вторая очередь», — говорят инженеры. Так и хочется взять с них честное слово, что будет вода в озерах Махпалколь и Жылтырбас, Рыбачьем и Муйнакском заливах, а по-новому, в водохранилищах.
Впрочем, стоп. Они этого и сами хотят. Другое дело, что региональной и национальной водных стратегий нет. «Стратегическое планирование и управление развитием водных ресурсов в Центральной Азии» только в проекте. А пустыня наступает.

Где водятся верблюды?

Мы увидели их на дороге у Кунграда, и попутчики отметили: «Вот бегут миллионы. Каждый верблюд — целое состояние». «Тогда чего же их в Муйнаке не выращивают? Была бы аральской рыбе замена». Не знаю, что ответил бы наш знакомый моряк, но попутчики рассмеялись: «Скажете тоже. То рыба, а то — верблюд, там — водная стихия, тут — пески и колючки».
И в самом деле, с причала, как и два года назад, ни одного корабля пустыни до самого горизонта не видно. Зато есть вышки, а осушенное дно прорезано колеями автомашин. Местные жители объясняют, что в двадцати километрах от бывшего портового города обнаружена нефть. О промышленной добыче разведчики пока речь не ведут, но люди смотрят в их сторону с надеждой. Соседний Учсайский газопромысел уже дал местным работу. Десять скважин качают газ на экспорт, конденсат отправляют на переработку в Кунград. «Еще б и нефть!»
«Что до верблюдов, то они здесь не приживаются — оводы донимают, — разъясняют муйнакцы. — А вообще-то психология после маловодья сильно изменилась. Люди стали заводить скотину. Сейчас в районе в каждом ауле по три-четыре стада». Точно, по пути мы видели такие стада — и коров, и овец. А уж сколько коз… Но число коз — не лучший

показатель благосостояния, их заводят, чтобы выжить.
Что еще заводят? Яблоневый сад поднялся на десяти гектарах близ райцентра. Он радует. В маловодье по району установили двести насосов-качалок. Но из них действующих осталось немногим больше половины, и это огорчает. По-прежнему основной источник для муйнакцев — канал Талдык, пролегающий за сотню километров. Оттуда досюда — другой канал, транспортирующий воду для поливов, скота и на внутригородские водозаборные сооружения. Начатый да брошенный из-за безденежья водовод — из несбывшегося. Спрашиваю про выручку за газ с конденсатом: «Ее бы и вложили в водовод. На что тратите?» «Не получаем».
Спрашиваю про артемию. Пожалуй, и она из несбывшегося, хотя с этим рачком, обнаруженным в соленом Арале, связывалось много ожиданий, в том числе и валютных. Два конкурирующих совместных предприятия завезли холодильное оборудование, промывочные машины и мотоциклы «Хонда», чтобы по бездорожью до моря доезжать. И даже доехали, собрав за зимний сезон двенадцать тонн, но не стали реализовывать. Опять нет дохода.
Про отсутствующую выручку, если б не спросила, не сказали. Все-таки восхищает в здешних людях умение жить надеждами и радоваться малому. Нефтегазодобытчики пообещали построить детский сад. Здорово! Мужчины, когда-то занятые на рыбоконсервном заводе, теперь стали работать на буровых и получать зарплату. И это здорово! Иностранцы вкладывают деньги в закрепление песков на аральской осушке — отлично! Из тех проектов, что только начинаются, муйнакцы называют американский. За два с половиной года саксаулом, черкезом, кандымом намечено укрепить около десятка тысяч гектаров. Из жителей района на бывшем дне моря получат работу в дополнение к тем, кто уже занят в немецком и французском проектах, еще до трехсот человек.

Едем в Казахдарью

Казахдарья от Муйнака находится в девяноста километрах, но добираемся за триста пятьдесят. Не потому, что «нормальные герои всегда идут в обход». Просто другого не дано. Вот уже несколько лет, как размыло короткую трассу, и теперь связь аула с райцентром затруднена. А самолеты не летают. Рассказы дедов про железных птиц, делавших с сельского аэродрома в день несколько рейсов в Муйнак и Нукус, внуки слушают, как сказку. Мы с коллегой топчем пески за околицей и тоже, как и внуки, не совсем понимаем: зачем они туда-сюда летали?
Песок после ночного дождя удерживает хрупкая корка. Наступаешь — лопается. Такая у нас с ним игра. А казахдарьинцы, вместе с которыми вышли за аул, чтобы убедиться в близости пустыни, ободряют: «Вам везет, ветер с Арала еще не повеял». До движущихся барханов идти не советуют: «Поверьте на слово, они наступают». Верим. В прошлую командировку я созерцала этот процесс на осушке. Песок, который несло с барханных макушек, напоминал снежные флаги. Мне доводилось видеть белые, сдуваемые с горных ребер. А тут песок в полете, и у «флагов» серо-желтые хвосты. И те, и другие надувы впечатляют. Но долго их не вынести.
Вот и казахдарьинцев достали: «Когда море находилось вблизи, совсем другой климат был. Летом температура воздуха поднималась до 35, теперь жарит под пятьдесят. Арал отступил лет тридцать назад. Но ветер по-прежнему дует с севера, и гонит он к аулу не волны – барханы».
Жить тут или не жить? В ауле население около трех тысяч человек, а дворов — свыше четырехсот. Жмется к одному из них на непомерно просторной улице растопыренный скелет баркаса, видно, частная собственность. От обшивки давно никаких воспоминаний не осталось, и то сказать — это ж не памятник. Просто однажды на зиму его из протоки

вытащили, а обратно тащить оказалось некуда — Арал ушел. Рыбный промысел на море закончился в 1983-м, а в маловодье и протока высохла. Днище баркаса засыпано песком и запорошено соломой, как и вся улица: ветер растрепал летние заготовки.
Нам рассказывают, что во времена аральского промысла все вокруг кипело. Улов возили на Муйнакский рыбоконсервный по короткому пути. Самолеты тоже находились при деле. Ловилась рыба и в Жылтырбасе. Но в засуху оно тоже усохло. «А если снова станет промысловым?» В округе знают про проект Агентства GEF-МФСА по созданию локальных водоемов. Здесь запланировано восстановить и реконструировать тридцатикилометровую дамбу, укрепить старые и построить новые гидротехнические сооружения. Впрочем, водоем уже наполнен и сдан в аренду на десять лет акционерам из ООО «Казахдарья балык». Что делать с рыбой — их забота. Лишь бы она ловилась, и лучше — большая.

Рыбацкий выбор

«Арендаторы все выловят подчистую и бросят», — так многие в Каракалпакстане оценивают то, что происходит со сдачей водоемов в аренду.
Почему «подчистую»? Особо ловить нечего — этим ныне отличаются озера Приаралья. После того, как в августе 2003 года ликвидированы «Узбалык» и «Каракалпакбалык», развитие рыбоводства доверено хокимиятам. Они и сдают водоемы на конкурсной основе тем, кто больше заплатит за гектар. Среди победителей немало «варягов», подставных лиц и тех, кто о рыбном хозяйстве понятия не имеет. Полсотни тысяч гектаров озер и водохранилищ к сентябрю 2004 года переданы в аренду. И только в Муйнакском районе выдвигалось требование: конкурс — для местных. ООО «Казахдарья», а в нем 45 рыбаков, получило в аренду пятнадцать тысяч гектаров Жылтырбаса.
Теоретически арендаторы всех водоемов должны заниматься не только ловлей, но и охраной, воспроизводством, спасением молоди. Так сказано в условиях аренды, иначе водоемы отберут. Но проконтролировать выполнение условий практически невозможно. В Минсельводхозе Каракалпакстана, курирующем вопрос, всего один специалист по рыбе. Проверки на пять лет запрещены, он может только наблюдать. Госкомприрода, до августа 2003 года устанавливающая квоты на вылов согласно рекомендациям ученых из Академии наук, теперь не причем: квоты отменены, а с ними и надзорные функции.
По рекомендациям ученых в 2002 году план добычи рыбы был сокращен в Приаралье до двухсот тонн, ведь рыбные запасы подорваны. Они и в 2004-м подорваны, молодь едва подросла, но ограничений на лов больше нет. Ученые привлекались при раздаче водоемов к составлению паспортов и провели исследования их состояния. В общем, знают, о чем говорят. Нужны ограничения, чтобы мелочь подросла, нужно обеспечить рыбе покой в период нереста, нужны питомники, где арендаторы могли бы приобретать молодь промысловых видов, а на самих водоемах нужна рыбохозяйственная мелиорация, нужно поддерживать естественные кормовые ресурсы и использовать дополнительные искусственные корма и делать это по науке!
Ой, столько нужно, а ведь это дополнительные средства. За аренду Жылтырбаса казахдарьинцы внесли годовую плату в пятнадцать миллионов сумов. Они готовы действовать по науке, но если вдруг в очередной маловодный год верховья поделят воду «по-своему» и арендованные гектары высохнут, то рыбаки обанкротятся. Ситуация такова, что никто арендаторам подачу воды не гарантирует. Никто не гарантирует, что подкормленная рыба не уплывет на соседский участок, ведь есть озера, поделенные между несколькими предпринимателями. Никто не поручится, что она не уплывет при водоспуске вообще на другой водоем озерной цепи. «Варяги» не хотят рисковать вложенными деньгами. Они за тотальный отлов.
Казахдарьинцы против. Нам рассказывают, что раньше за год ловили 200-250 тонн, в

маловодье — ничего, в 2003-м — двадцать тонн. «В Порлытау восстанавливаются инкубационные пруды, и благодаря им станет возможным искусственное зарыбление. Если будет вода».

Ива, лох, веник

Двигаясь по берегу Казахдарьи, видишь то один остов катера, то другой, то присыпанные песком останки лодки. Это ретроспектива и, как принято говорить, образец неумелого хозяйствования. Однотонный пейзаж уныл, разнообразят его лишь извивы протоки. Она питает Жылтырбас, и без нее нет перспектив ни для рыбы, ни для человека, ведь четыре пятых населения аула пьют ее воду.

Из трех опреснительных установок «Экос», установленных еще в советские времена, работает одна, а для других нет запчастей. Вода качается из скважины глубиной почти в полкилометра, опресняется и направляется к потребителям, один из которых — местная больница. Сюда ее подают на два часа, закачивая в емкости. Кажется, везет больным. Вот и садик перед ней. Что тут? Ива, лох, веник, а еще есть тополек и урючное деревце. Врач Назарбаев за веник извиняется, «но так хорошо растет!» И в самом деле, веник тут — услада глаз. Окна больнички-невелички смотрят в пустыню, да и вокруг нее понадут песок вперемешку с солью. «В дожди такое месиво. Вот и устроили садик. Пару лет назад купили с медсестрами вскладчину насос, прорыли канаву, по ней и поднимаем воду из Казахдарьи для полива». «Можно посмотреть?» Идем вдоль канавы до дощатой будки, где хранится насос, потом обратно. Попутно выясняем, что, кроме Назарбаева, в больнице нет врачей: молодежь приезжает и месяца через два-три уезжает. Я спрашиваю про платную медицину, как стимул для них, и понимаю, что задаю глупый вопрос.

В ауле зарплата — по ведомости, а расчет идет в магазине продуктами. Туго с наличкой, но дело даже не в ней. Нет условий, на которые рассчитывает молодежь. «А вы что же?» «Как я уеду? Кто-то должен людей лечить». Утесин Назарбаев — главврач, но он же терапевт, педиатр и гинеколог. Он же принимает роды, рвет зубы и лечит аллергические, респираторные заболевания и туберкулез. Работает тут больше тридцати лет.

Про него я услышала на одном из совещаний в Нукусе: «Просит рентгеновский аппарат для диагностики туберкулеза». Уточняю: «Когда получите?» «Пока не дают, стоит два миллиона сумов. А рентгенологи уже года три не приезжали». Нет аппарата ультразвуковой диагностики. Нет кювезы для недоношенных младенцев. Нет стоматологического кресла. В больнице есть необходимый минимум лекарств. Но нужна в ауле аптека, и ее пока нет: не хватает средств на лицензию. Будет промысел на Жылтырбасе, вот тогда… На рыбу главная надежда.

Надежды

Вообще-то их много. Прежде всего это дети. Их восемьсот, и учатся они в двух сельских школах. К одной из них мы как раз и направляемся вдоль протоки. Ошибиться невозможно — навстречу идет столько ребятни. А вот и одноэтажная школа. Гид-казахдарьинец с гордостью сообщает: «Я был в первом выпуске 1968 года». Он стал рыбаком. Кем станут нынешние ее ученики — рыбаками, швеями, трактористами?

На швей и трактористов учат. И десяток компьютеров тоже для них. «Пентиумы», — показал технику директор школы Жолмурза Заримов. «А к Интернету подключены?» Чувствую, опять задаю не лучший вопрос, ведь уже слышала, что нет в ауле телефонной связи — линия давно вышла из строя, провода провисли. Но у директора есть надежда, что скоро в школе будет Интернет: обещают подтянуть новую радиорелейную линию. Тогда и национальные телевизионные программы появятся. Да и школа скоро будет новая, дети станут учиться в одну смену — стройка запланирована на будущий год. Какие еще надежды? Учителя, которых больше сорока, и дети, которых больше

четырехсот, надеются, что у новой школы будет своя котельная. В старой классы отапливают свыше трех десятков печек, и с топливом, как и с самой топкой, много мороки. Старшеклассники надеются, что учебники будут у каждого, а не как сейчас — учебников с латинской графикой по одному на пять-шесть человек. Из очень важных для старшеклассников надежд: «Можно поехать в город и выучиться на врача или аптекаря», «Можно выучиться на птицевода и выращивать аргентинских мускусных уток». Про уток разъясняют: в рамках проекта Германского общества по техническому сотрудничеству неподалеку от аула построены две фермы и там уже тысячи этих птиц. «А еще можно выучиться на лесовода и научиться стабилизировать пески».

Многие мечтают остановить барханы. Знают о проекте, подготовленном Программой развития ООН. Казахдарья выбрана как пилотный участок для стабилизации песков на осушенном дне моря. Сейчас проект рассматривается в Глобальном экологическом фонде. Деньги запрашиваются немалые. Не предусмотрены средства на аптеку или газификацию аула, на то, чтобы протянуть сюда телефонную линию, построить телевизионный ретранслятор. Но когда Глобальный экологический фонд одобрит предложения ПРООН, удастся освоить стогектарный участок пустыни.

Чем он привлекателен для жителей? Стабильной работой и зарплатой на пять лет, созданием общинных пастбищ и лесов. В отличие от международных проектов, уже реализуемых на осушке, тут хотят скомбинировать старые и новые методы, чтобы растения не только скрепляли корнями песок, но и давали плоды. Сперва на одном участке, потом на втором и так далее.

Тугайный сухостой

Чем богаты тугаи? Топливом. Они дают его казахдарьинцам, да и не только им. У нас есть шанс рассмотреть это самое топливо в одном из дворов. Двор типичный, и лично у меня от его масштабов захватывает дух. Столько земли! Сушняк, складированный где-то у забора, просто теряется в этом пространстве. По двору бродят штук восемь кур, и мы с коллегой переглядываемся: что они умудряются клевать, бродя по периметру от забора до забора, где ни травинки, ни былинки, а под ногами — то ли глина, то ль песок?

Хозяина расспрашиваем о топливе, ведь осенний день располагает к мыслям о зиме и холодах. К тому же нам известно, какая это головная боль для аульной школы с ее бесчисленными печками. Про сушняк хозяин двора объясняет, что ездят за ним в пойму Амударьи. Семье хватает на зиму три-четыре тракторные тележки сухостоя. Раньше уголь, за раз пятьсот тонн, доставляла по воде баржа, теперь уголь завозится машинами из Чимбая по три-пять тонн, и он не всем по карману. В двух десятках километров находится поселок Шейхаман, где есть «голубое топливо». Но «почти рядом» никого не греет, вот и жгут сельские жители сухостой.

Из-за маловодья его стало больше. Никто сейчас не назовет точно площадь тугаев в пойме, даже сотрудники лесоохотничьего хозяйства «Казахдарья». У хозяйства — гигантская территория в 402 тысячи гектаров, в основном это пустыня, но и тугаи. Они съеживаются, встречаясь в виде узких лесополос и рощ. Трактор — туда, трактор — обратно, четыре тележки на двор, умножим на четыреста дворов только одного аула. Это сколько ж кубометров вывозится из тугаев ежегодно… Вообще-то у нас тема разговора другая. Мы хотели поговорить про птичек певчих в тугаях, про больших и малых животных — что они значат для жизни местного населения. Но рубка деревьев настолько приметна и в Ташкенте — на глазах исчезают полноценные стволы под видом изъятия сухостоя, что арифметикой в пойме занимаешься по инерции.

Волки достали!

В маловодье дичь почти исчезла, сообщают собеседники из лесоохотничьего хозяйства, и

два года охота была запрещена. Хатки ондатр оказались на суше, и зверьки стали легкой добычей лисиц, шакалов и волков. Сколько их сейчас? Ондатра, которую в былые годы в Приаралье добывали до полутора миллионов, почти на нуле, а хищники расплодились так, что спасу нет. Волки задрали несколько коров казахдарьинцев и нападали на людей. «И вы это терпите? Взяли бы да отстреляли! На них ведь охота разрешена». Мне в момент беседы вспомнился фильм из детства про охотников на волков. Борьба велась упорная. Волки были хитрые и сильные, и, как в известной песне Высоцкого, стремились за красные флажки. Но доблестный охотник победил самого хитрого и наглого и принес его шкуру в приемо-сдаточный пункт. «Какие проблемы?!»

Между прочим, одна из них — отсутствие этих самых приемо-сдаточных пунктов. Собеседники утверждают, что охотой на волка семью не прокормишь. В лучшем случае за его шкуру стрелок получит как за шкуру собаки. Когда-то награждали бараном, на премию выдавали дефицитные товары. Потом премии упразднили, и бороться с волками перестали. Сейчас, когда они наступают, можно собрать бригаду. Но потребуется специальное стрелковое оружие и патроны к нему, нужны крупные капканы.

Не понятно, как все-таки в хозяйстве собираются бороться с волками, если даже охотничьих патронов нет. По большому счету в Казахдарье нарушают постановление правительства, принятое в 1996 году: «О мерах по усилению борьбы с заболеваниями бешенством людей и животных в Республике Узбекистан». В одном из его пунктов сказано о мероприятиях для поддержания в охотничьих угодьях оптимальной численности лисиц, шакалов и волков. Оптимальная — одна-две особи на десять квадратных километров. Судя по последнему учету, их здесь перебор. Но в ходе учета выявлена и настоящая дичь: зайцев — 12 тысяч, уток — 50 тысяч, кабанов — 70, фазанов — 350. Зайцев без ущерба для популяции можно отстреливать до половины, фазанов на четверть от общего числа, кабанов на треть. А лис, которых несколько сот, обязательно надо отстреливать для их же здоровья и здоровья других животных, ведь они переносчицы чесоточного зудня.

Но желающих мало. То ли потому, что лицензии для охотников стоят одинаково близ городов и в захолустье, и цена не стимулирует, то ли само лесоохотничье хозяйство мало заинтересовано, поскольку в его бюджет от продажи лицензий не поступает ничего. Наверное, это тема для разговора в столице. Наверное, тут знают ответ и на вопрос: как поддерживать оптимальную численность волков.

А мы едем в заповедник Бадай-Тугай, предвкушая прогулки среди туранги и немного опасаясь волчьих следов в лесу. Заповедник знаменит бухарскими оленями — хангулами, как они тут?

От туранги до солончаков

Первые три хангула были завезены из Таджикистана в 1973 году. Через пару лет еще пять. До сих пор мы видели бухарского оленя только в зоопарке. Вообще-то это исконный для Узбекистана вид. Но был истреблен. Теперь включен в Красную книгу и обитает на особо охраняемых природных территориях. Каких-нибудь триста километров от Казахдарьи в сторону Хорезма, и мы на базе заповедника.

Об истории его возникновения еще в Ташкенте нам рассказал его создатель и первый директор Виктор Лим. На этом участке тугаи в начале семидесятых сохранились лучше всего. Другие уже осваивались под хлопок, а здесь Турткульский лесхоз еще валил лес, заготавливая турангу тысячами кубов. Вопрос о заповеднике был рассмотрен в 1971 году, и руководители Каракалпакии решили, что нужен и хлопок, и фазан, и тугай. А еще хангул: «Когда-то он водился в этих местах…»

Статус равнинно-тугайного заповедника получили 6462 гектара. Заготовку древесины на

них прекратили. Комитет лесного хозяйства выделил деньги на вольер и оленей. Тот самый вольер до сих пор служит жилищем для маточного поголовья. А в пустующие щитовые дома Самаркандской геологической партии довоенной постройки въехали сотрудники заповедника. Эти постройки и сегодня «база», но, по меньшей мере, дважды в год случаются ураганы, сдувая шифер, и они малопрезентабельны. Несколько семей сотрудников заповедника в них все еще живут. Латают крыши и одновременно борются с термитами, а эта угроза — хуже ураганов.

Термитов по моей просьбе показал оленевод Мурат, отколупнув от стены кусок штукатурки. Сказал, что уезжать отсюда не намерен — надо бы построить жилье для семьи из жженого кирпича. «Старые стены могут рухнуть?» «Могут, но не знаю, когда. Да что это вы все про термитов, вы же из-за оленей приехали». О них он знает много интересного: «Подходя к вольеру, не шуми, не кричи, не маши руками, ярко не одевайся». Воспримем это как инструкцию к предстоящей экскурсии. Она нам обещана директором заповедника Максудом Ходжибаевым. Вместе с ним нас и пропускают за шлагбаум. Запоминаем, как разителен контраст: с той стороны шлагбаума — пустыня, а по другую что только не зеленеет. А вот и туранга. Меж ней встречаются кустарники, земля же под деревьями усеяна мелкими сухими ветками. Много чего растет, да туранга сохнет. Пьет и напиться не может. В амударьинской протоке Кокдарья есть вода, и мы ее пробуем: «Ой, она ж соленая!»

Кокдарья станет пресной

На берегу много следов животных. Можно считать, что они пьют дренажные стоки, не морщась. И туранга выносливая — выдерживает засоление почв до 16 процентов. Но без паводковых затоплений минерализация растет. А паводков нет — протока много лет назад превращена в Берунийский коллектор. По протоке-коллектору транзитом через заповедник коллекторно-дренажные воды с хлопковых полей и по сей день сбрасываются в Амударью. В итоге две с половиной тысячи гектаров Бадай-Тугая — уже солончаки. Если и дальше так, есть перспективы?

Есть. Кокдарья, говорят, скоро станет пресной. Сейчас в заповеднике все живут в ожидании совместного проекта правительства Узбекистана и Всемирного банка по реконструкции дренажа. Чтобы отвести коллекторно-дренажные стоки от Амударьи, будет изменена трасса Главного южного коллектора. Вместе с рекой выиграет и заповедник. Разворот Берунийского коллектора на 180 градусов позволит снизить минерализацию грунтовых вод и засоленность почв. Старое русло Кокдарьи будет соединено с Амударьей. Продуманы и запасные варианты, чтобы сымитировать паводки, например, орошение тугаев с помощью насосной станции в течение нескольких недель ежегодно.

Мы ходим по заповеднику, очевидно, выверенным маршрутом: туранга, солончаки, протока. То тут, то там попадаются оленьи следы. Сколько их? В питомнике — восемнадцать, а на воле обитает около двухсот хангулов. Для тех и других на восьмигектарном поле выращиваются корма. Конечно, их недостаточно, но недавно Берунийский хокимият выделил для заповедника под корма еще сто гектаров. А в планах помимо старого и довольно ветхого вольера сделать еще один. Также в планах — обновить технику, увеличить штат хотя бы человек до тридцати, заняться хозяйственной деятельностью, иначе как заработать на жженый кирпич…

Идем к вольерам по одному, чтобы не испугать оленей. На чужих они косятся, а к оленеводу льнут, трутся о рукав. «Знаете, — спрашиваем сотрудников заповедника, — что предполагается расселение хангулов в пойме? Мы об этом слышали в Ташкенте». Они догадываются, ведь олени прижились, и сами понемногу осваивают соседние, не заповедные тугаи. Те, кто их пестовал, беспокоятся, чтобы охоту не разрешили на

краснокнижных красавцев, пусть даже за валюту. В этом случае быстро найдутся и карабины, и патроны. Лучше стрелять в волков, а хангулами — гордиться.

Вид на низовья сверху

Снова шлагбаум. Позади лес, впереди пустыня. Справа и слева возвышаются два горных хребта, мелькают карьер, ветка железной дороги. Проезжаем их, и снова глазу не за что зацепиться, разве что за сигнальную башню — Чылпык. Чылпык, по преданию, сохранился с зороастризма. Вид с него, должно быть, потрясающий. Проверим.

От трассы сворачиваем на одну из дорог, которыми исчерчена пустыня. У подножия начинается тропинка, взбираемся по ней. А наверху — люди. Мы знакомимся с группой врачей, и понимаем, что они тут не для постановки диагноза, а тоже из любопытства: «Ехали мимо, захотели оглядеться. Сами из этих мест, но можно прожить жизнь и не увидеть этой красоты, простора, перспективы». Оглядываем вместе окрестности. Амударья с ее разливами и отмелями прекрасна и под пасмурным небом. От нее разбегаются голубые стрелки каналов. Рядом с ней полосой протянуты жизнерадостные квадраты полей, а за полосой — коричневая голь. Ну да, все та же пустыня.

Наталия ШУЛЕПИНА

«Правда Востока», 24.9, 8.10.2004г.

Экоальманах «Просто пишем о среде» (третий выпуск), 2005г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

09.02.2009